Стивен КИНГ

Терри ПРАТЧЕТТ

Терри ГУДКАЙНД

Орсон СКОТТ КАРД

Роберт СИЛВЕРБЕРГ

Урсула ЛЕ ГУИН

Тед УИЛЬЯМС

Джордж МАРТИН

Энн МАККЭФФРИ

Раймонд ФЕЙСТ

Роберт ДЖОРДАН

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

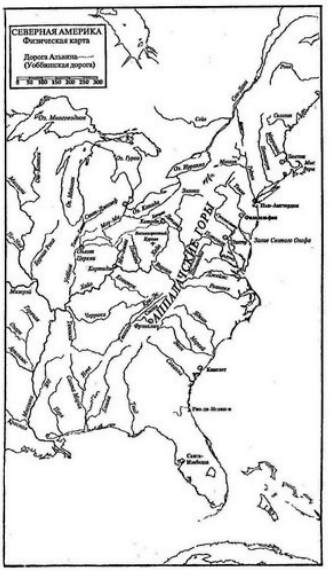
Легенды

Человек с ухмылкой на лице

Орсон Скотт Кард

Орсон Скотт Кард. ЧЕЛОВЕК С УХМЫЛКОЙ НА ЛИЦЕ
Человек с ухмылкой на лице

Орсон Скотт Кард
ЧЕЛОВЕК С УХМЫЛКОЙ НА ЛИЦЕ



Orson Scott Card

GRINNING MAN

Перевод с английского Н. Виленской

© Orson Scott Card, 1998

© Перевод. Н. Виленская, 1999

«Седьмой сын» (1987)
«Красный пророк» (1988)
«Альвин в подмастерьях» (1989)
«Странствия Альвина» (1996)
«Огонь души» (1998)

В книгах об Альвине Созидателе Орсон Скотт Кард показывает нам, какой могла бы стать история Америки в том случае, если бы Американской революции не произошло, а чародеи существовали бы на самом деле.

Америка у Скопа разделена на несколько провинций, а Испания и Франция сохраняют прочную позицию в Новом Свете. Научная революция, разворачивающаяся в Европе, побудила многих людей с магическим даром эмигрировать в Северную Америку. В книгах серии описывается жизнь Альвина. Он седьмой сын седьмого сына, что само по себе наделяет его незаурядной силой. Альвину предназначено стать Созидателем, адептом, который рождается лишь раз в тысячу лет.

Но на каждого Созидателя есть свой Разрушитель, воплощение сил зла. Он противостоит Альвину и использует против него его брата Кальвина.

В своих странствиях Альвин исследует окружающий его мир, где сталкивается с проблемами рабства, постоянной вражды между поселенцами и с коренными жителями Америки, удерживающими за собой западную половину континента. В последующих книгах Альвин, очевидно, должен наконец сразиться с Разрушителем, и эта встреча решит судьбу всего континента, а быть может, и всего мира.

Человек с ухмылкой на лице

Первая встреча Альвина Созидателя с этим человеком произошла на лесистых взгорьях восточного Кенитука. Альвин шел со своим учеником Артуром Стюартом, беседуя то ли о философии, то ли о наилучшем способе приготовления бобов — не помню уж хорошенько — и вышел на поляну, где сидел на корточках человек, глядя вверх, на дерево. Если не считать ненатуральной ухмылки у него на лице, в то время и в том месте он ничем особенным не выделялся. Одет в оленью кожу, на голове енотовая шапка, под рукой наготове лежит мушкет — тогда много таких молодых парней охотилось за дичью в незаселенных лесах.

Впрочем, если подумать, восточный Кенитук в ту пору стал не столь уж диким, и многие мужчины сменили оленью кожу на хлопок, исключая разве что самых бедных. Поэтому, возможно, отчасти и одежда незнакомца побудила Альвина остановиться и посмотреть на него. Артур же Стюарт, само собой, поступал так же, как Альвин, если не имел веской причины поступить по-иному — поэтому он тоже остановился на краю луга

и молча стал смотреть.

Человек с ухмылкой не сводил глаз с ветвей старой корявой сосны, которую вскоре должны были заглушить лиственные деревья. Но свою ухмылку он адресовал вовсе не дереву, а медведю.

Медведь медведю рознь, это всякий знает. Мелкие бурые мишки обычно не опаснее собак — иначе говоря, если ты стукнешь такого палкой, то получишь свое, а если не тронешь его, то и он тебя не тронет. Но есть такие черные медведи и гризли, у которых шерсть на спине щетинится наподобие игл дикобраза — это значит, что они напрашиваются на драку, и стоит сказать такому слово поперек, он сразу откусит тебе голову и высосет из тебя твой завтрак. Ни дать ни взять лодочник, который дует самогон из горлышка.

Вот такой медведь и сидел на дереве. Он был пожалуй, малость староват, но щетина на нем топорщилась будь здоров, и на дерево он залез не потому, что боялся, а за медом — меда там было полно, и пчел тоже. Они, стараясь прокусить свалявшуюся медвежью шерсть, лишались жал и падали мертвыми, зато жужжали вовсю, словно прихожане, позабывшие слова гимна — только пчелы, видать, и мотив подзабыли.

А человек все сидел и скалился на медведя

— медведь же показывал зубы ему.

Альвин с Артуром стояли там уже с минуту, а картина все не менялась. Человек ухмылялся медведю, медведь человеку. При этом ни один и виду не показывал, что заметил Альвина и Артура.

Поэтому Альвин заговорил первым:

— Не знаю, кто из вас начал эту игру, зато знаю, кто победит.

Человек, не переставая ухмыляться, процедил сквозь зубы:

— Извините, что не подаю вам руки — я слишком занят. Альвин вдумчиво кивнул и сказал:

— Медведь, сдается мне, тоже занят.

— Ничего, — сказал человек с ухмылкой. — Сейчас он слезет.

Артур Стюарт по молодости лет был поражен.

— Слезет? Из-за вашей улыбки?

— Смотри, как бы я тебе не улыбнулся. Неохота платить твоему хозяину за такого умного черномазого — дорого, поди.

Все, как правило, принимали Артура Стюарта за раба — ведь он был наполовину черный, а к югу от Хайо лежали рабовладельческие края, где черный человек непременно принадлежит, принадлежал или обязан принадлежать кому-

то. Поэтому Альвин во избежание осложнений никого не разубеждал. Пусть люди думают, что у Артура Стюарта уже есть хозяин, и не стремятся занять свободное место.

— Сильная же, должно быть, у тебя улыбка, — сказал Альвин. — Меня зовут Альвин, и я странствующий кузнец.

— Кузнец в этих краях не так уж нужен. На западе дела обстоят получше, там больше поселенцев — попытай счастья там. — Человек по-прежнему говорил сквозь зубы.

— Может, и попытаю. А как зовут тебя?

— Стойте, где стоите, — сказал человек с ухмылкой. — Не двигайтесь. Он слазит.

Медведь зевнул, слез вниз по стволу и стал на четвереньки. Он мотал головой в такт какому-то неведомому медвежьему мотиву, морда у него блестела от меда и была утыкана дохлыми пчелами. Подумав о чем-то своем, он, видимо, пришел к какому-то выводу, потому что встал на задние лапы и разинул пасть, точно ребенок, показывающий маме, как хорошо он глотает.

Человек с ухмылкой тоже встал, и растопырил руки, и раскрыл рот. Зубы у него были хороши для человека, но медвежьим все-таки уступали. Однако медведя это зрелище, как видно, убедило.

Он снова спустился на четвереньки и закосолапил в лес.

— Теперь это мое дерево, — сказал человек.

— Не слишком завидное имущество, — заметил Альвин.

— А мед он весь съел, — добавил Артур Стюарт.

— Дерево мое и вся земля вокруг тоже, — сказал человек.

— Но что ты намерен с ней делать? На фермера ты не похож.

— И намерен спать здесь, и чтобы никакие медведи при этом не тревожили мой сон. Я просто должен был показать ему, кто здесь хозяин.

— Значит, ваш талант нужен только для того, чтобы заставить медведей убраться с дороги? — спросил Артур Стюарт.

— Зимой я сплю под медвежьей шкурой. Я улыбаюсь медведю, а он скалит зубы на меня, пока я не сделаю с ним все, что захочу.

— А ты не боишься, что когда-нибудь встретишь медведя под стать себе? мягко осведомился Альвин.

— Нет, приятель, не боюсь. Моя ухмылка — королева всех ухмылок.

— Император ухмылок, — сказал Артур Стюарт. — Наполеон!

Ирония Артура была недостаточно тонка, чтобы ускользнуть от человека с ухмылкой.

— У твоего мальчишки слишком длинный язык, — сказал он.

— Это помогает мне коротать время, — сказал Альвин. — Ну, раз уж ты оказал нам услугу и прогнал медведя прочь, здесь, пожалуй, можно построить каноэ.

Артур Стюарт посмотрел на него, как на безумного.

— Зачем нам каноэ?

— Я ленив и хочу спуститься вниз по течению в нем.

— Мне все равно, что вы с ним будете делать, — сказал незнакомец. Плывите, тоните, несите его над головой, съешьте его на ужин — только здесь вы ничего строить не будете. — Ухмылка так и не сходила с его лица.

— Ты только погляди, Артур, — сказал Альвин. — Этот парень даже имени своего назвать не хочет и теперь скалит зубы на нас.

— Ничего не выйдет, — сказал Артур Стюарт. — На нас скалились политиканы, проповедники, колдуны и крючкотворы — у тебя зубов не хватает, чтобы нас напугать.

Тут незнакомец направил свой мушкет прямо

в сердце Альвину.

— Ну, тогда я больше не буду улыбаться.

— Я вижу, в этих краях не принято строить каноэ, — сказал Альвин. Пойдем-ка отсюда, Артур.

— Не спешите так, — сказал незнакомец. — Мне думается, что я окажу услугу всем своим соседям, не дав тебе сойти с этого места.

— Начнем с того, что никаких соседей у тебя нет.

— Каждый человек — мой сосед и ближний. Так сказал Иисус.

— Мне помнится, он особо выделил самаритян — а самаритянам меня нечего опасаться.

— Я вижу перед собой человека с котомкой, которую он прячет от меня.

Это была правда, потому что Альвин носил в котомке свой золотой лемех и старался прятать ее за спиной, чтобы люди не заметили, как лемех шевелится, что тот проделывал время от времени. Но в ответ на слова незнакомца Альвин перенес мешок вперед.

— От человека с ружьем мне нечего прятать.

— Приходит человек с котомкой и говорит, что он кузнец. Но единственный его спутник — мальчишка, слишком тощий и хилый, чтобы обучаться такому ремеслу. Зато он как раз проле-

зет в чердачное окошко или в щель под кровлей. А взрослый поднимает мальчишку высоко своими сильными руками, чтобы тот пролез в дом и открыл вору дверь. Поэтому, пристрелив тебя на этом самом месте, я окажу большую услугу миру.

— Было бы чем поживиться взломщику в этом лесу, — фыркнул Артур Стюарт.

— Ну, дуракам закон не писан.

— Ты лучше направь свое ружье в другую сторону, — посоветовал Артур Стюарт. — Если хочешь и дальше им пользоваться.

Вместо ответа незнакомец нажал на курок. Дуло полыхнуло пламенем и взорвалось, разлетевшись на куски, словно ручка старой метлы. Пуля медленно выкатилась из него и шлепнулась в траву.

— Посмотри, что ты сделал с моим ружьем, — сказал незнакомец.

— Не я нажимал на курок, — сказал Альвин. — И тебя предупреждали.

— Но ухмыляться ты так и не перестал, — заметил Артур Стюарт.

— Такой уж я веселый парень, — сказал незнакомец и достал большой нож.

— Нравится тебе этот нож? — спросил Артур Стюарт.

— Мне его дал мой друг Джим Бови. Я ободрал им шесть медведей, а бобров и не сосчитать.

— Тогда посмотри сперва на дуло своего мушкета, а потом на нож, которым так гордишься, и подумай как следует. Человек с ухмылкой посмотрел на мушкет, потом на нож.

— Ну и что?

— Думай, думай. Авось дойдет потихоньку.

— И ты позволяешь ему говорить с белыми таким образом?

— С человеком, который целит в меня из ружья, Артур Стюарт может говорить, как ему угодно, — сказал Альвин.

Человек подумал еще, а потом ухмыльнулся еще шире, если это только возможно, убрал нож и протянул руку.

— Ты большой умелец, — сказал он Альвину.

Альвин сжал его руку в своей. Артур Стюарт уже знал, что будет дальше, поскольку видел это не раз. Хотя Альвин объявил, что он кузнец, и всякому, у кого есть глаза, видно, какие у него сильные руки, этот улыбчивый сейчас попытается побороть его и повалить.

Впрочем, Альвин и сам был не прочь побороться. Он позволил человеку с ухмылкой дергать, тянуть и выкручивать ему руку, сколько душе

угодно. Это могло сойти за настоящий поединок, если бы у Альвина при этом не было такого вида, будто он вот-вот уснет.

Наконец он стиснул пальцы, а человек с ухмылкой вскрикнул, упал на колени и стал просить отдать ему руку назад.

— Не то чтобы она мне еще на что-то пригодилась, но надо же надевать куда-то вторую перчатку.

— Мне твоя рука без надобности, — заверил Альвин.

— Я знаю, но вдруг тебе вздумается оставить ее тут, на лугу, а меня отправить в другое место.

— Ты что, никогда не перестаешь ухмыляться?

— Даже и пробовать не хочу. Со мной всегда случается что-то худое, когда я не улыбаюсь.

— Было бы куда лучше, если б ты хмурился, зато ружье держал дулом вниз, а руки в карманах.

— Ты сделал из четырех моих пальцев один, а большой вот-вот отвалится. Я готов сдаться.

— Готов — так сдавайся.

— Сдаюсь, — сказал человек с ухмылкой.

— Ну нет, так не пойдет. Мне нужны от тебя две вещи.

— Денег у меня нет, а если ты заберешь мои капканы, я покойник.

— Все, что мне нужно — это твое имя и разрешение построить здесь каноэ.

— Мне сдается, скоро меня станут звать Однорукий Дэви, но пока что я Крокетт, как и мой отец. Кажется, я ошибался насчет этого дерева. Оно твое. И я, и тот медведь — мы ушли далеко от дома, и нам еще немало надо пройти, пока не стемнело.

— Можешь остаться, — сказал Альвин. — Места всем хватит.

— Только не для меня, — сказал Дэви Крокетт. — Моя рука, если я получу ее назад, здорово увеличится в объеме — не думаю, что она поместится на этой поляне.

— Мне будет жаль, если ты уйдешь. Новый друг — большая ценность в этих краях. — Альвин разжал руку, и Дэви со слезами на глазах принялся ощупывать свою ладонь и пальцы, словно проверяя, не отвалилось ли что.

— Рад был познакомиться с вами, мистер странствующий кузнец. И с тобой тоже мальчик. — Дэви покивал головой, ухмыляясь, как трактирщик. — Мне сдается, вы и правда не взломщик. И не тот кузнечный подмастерье, что украл золотой лемех у своего хозяина и сбежал.

— Я в жизни ничего не крал, — сказал Альвин.

— Но у тебя больше нет ружья, а стало быть, не твое дело, что лежит у меня в котомке.

— Вручаю тебе все права на эту землю, на минералы, что лежат под ней, на дождь и на солнце, на лес и на все шкуры, которые в нем есть.

— Ты не законник ли, часом? — подозрительно спросил Артур Стюарт.

Дэви вместо ответа повернулся и побрел с поляны, как прежде медведь — в ту же сторону. Он шел тихо, хотя, похоже, хотел бы побежать — но бег причинил бы боль его пострадавшей руке.

— Я думаю, мы никогда больше его не увидим, — сказал Артур Стюарт.

— А я думаю, увидим еще, — сказал Альвин.

— Почему?

— Потому что я изменил кое-что у него внутри, чтобы он стал чуть больше похож на медведя. И медведя тоже изменил, чтобы он стал чуть больше похож на Дэви.

— Нельзя вмешиваться в чужое нутро.

— Что поделаешь — черт попутал.

— Ты же в него не веришь.

— Нет, верю. Только, мне кажется, он выглядит не так, как все думают.

— Да ну? А как же тогда?

— Он как я, только умнее.

И Альвин с Артуром принялись строить каноэ. Они срубили дерево нужной величины — на два дюйма шире, чем Альвин в бедрах — и стали выжигать древесину, выгребая золу и вгрызаясь все глубже. Это была медленная, потогонная работа, и чем дольше они трудились, тем больше недоумевал Артур Стюарт.

— Я вижу, ты это умеешь, — сказал он Альвину, — только каной нам ни к чему.

— Каноэ, — поправил Альвин. — Мисс Ларнер была бы недовольна тем, как ты выражаешься.

— Начнем с того, что Тенква-Тава научил тебя бегать по лесу, как краснокожий — быстрее всякого каноэ, да и работать не надо.

— Я не чувствую охоты бежать.

— Во-вторых, вода использует каждый удобный случай, чтобы разделаться с тобой. По словам мисс Ларнер, ты чуть не утонул шестнадцать раз еще до того, как тебе исполнилось десять.

— Дело не в воде, а в Разрушителе. И теперь он, похоже, отказался от воды. Теперь он вознамерился уморить меня при помощи дурацких вопросов.

— В-третьих — на случай, если ты считаешь — у нас назначена встреча с Майком Финком и Верили Купером, а из-за твоего каноэ мы вряд ли

поспеем туда вовремя.

— Этим двоим не помешает научиться терпению, — спокойно ответил Альвин.

— В-четвертых, — Артур Стюарт становился все привередливее с каждым ответом Альвина, — в-четвертых и в-последних, ты Созидатель, разрази меня гром! Стоит тебе приказать этому дереву стать полым, и оно поплывет по воде, как перышко. Если уж тебе так приспичило построить каноэ, хотя оно тебе ни к чему, и есть где плыть на нем без опаски, хотя это вовсе не так, ты не должен был заставлять меня делать эту работу руками!

— Ты что, так сильно утомился? — спросил Альвин.

— Лишняя работа всегда лишняя.

— Лишняя для кого? Ты прав: я строю это каноэ не для того, чтобы плыть вниз по реке и не для того, чтобы ускорить наш путь.

— Для чего же тогда? Или у тебя уже вошло в привычку делать все без причины?

— Я вообще не строю каноэ.

Артур Стюарт зарылся по локти в выжженное дерево.

— Что же это, по-твоему — дом?

— Это ты строишь каноэ. И мы поплывем в нем

вниз по реке. Но я его не строю. Артур Стюарт снова приналег на работу и через пару минут сказал:

— Я знаю, что ты делаешь.

— Вот как?

— Ты заставляешь меня делать то, что нужно тебе.

— Тепло.

— Ты используешь меня, чтобы превратить это дерево в нечто другое, и в то же время используешь дерево, чтобы превратить в нечто другое меня.

— И во что же я хочу тебя превратить?

— Я думаю, что ты думаешь, будто превращаешь меня в созидателя. Но строитель каноэ — не то же самое, что всесторонний созидатель вроде тебя.

— Надо же с чего-то начинать.

— Ты-то ни с чего не начинал. Ты от рождения все умеешь — Да, я родился с талантом. Но я не знал, как, куда и зачем его приложить. Я научился любить созидание ради него самого. Я научился любить камень и дерево, с которыми работал, а через это научился видеть их изнутри, чувствовать, как они, понимать, как они устроены, что держит их вместе и как расщепить их наилуч-

шим образом.

— Что-то я ничему такому не научаюсь.

— Пока.

— Нет, сэр. Я ничегошеньки не вижу изнутри. Ничего не чувствую, кроме боли в спине и пота, который льет с меня градом, и мне все досаднее выполнять работу, которую ты можешь сделать, стоит тебе только глазом моргнуть.

— Ну вот, это уже что-то. Ты учишься видеть изнутри себя. Артур Стюарт поскреб дерево еще немного, весь кипя от возмущения.

— Когда-нибудь мне надоест твоя заносчивость, и я не буду больше сопровождать тебя.

— Артур Стюарт, в этот раз я не хотел брать тебя с собой, если помнишь.

— Вот, значит, в чем дело? Ты наказываешь меня за то, что я пошел с тобой вопреки твоей воле?

— Ты сам сказал, что хочешь научиться всему, что умеет созидатель. А когда я пытаюсь тебя научить, то слышу в ответ нытье и стоны.

— Я еще и работаю. Работаю не переставая, пока мы говорим.

— И то правда.

— И есть еще кое-что, о чем ты не подумал. Строя каноэ, мы в то же время уничтожаем де-

рево.

— Так всегда бывает, — кивнул Альвин. — Нельзя сделать что-то из ничего. Что-то всегда создается из чего-то другого. Новая вещь всегда перестает быть тем, чем была раньше.

— Значит, каждый раз, когда ты создаешь что-то, ты также и разрушаешь.

— Вот почему Разрушитель всегда знает, где я и что я делаю. Потому что, делая свое дело, я всегда немного работаю и за него.

Артуру Стюарту это не показалось правильным, но он не мог придумать нужного ответа и потому продолжал выжигать и долбить, пока — гляди-ка! — не получилось каноэ. Они дотащили его до ручья, спустили на воду, сели в него, и оно сразу перевернулось. Искупавшись три раза, Альвин наконец сдался и поправил каноэ так, чтобы оно держалось на воде.

Артур Стюарт тогда посмеялся над ним.

— Ну и чему же я в итоге научился? Как строить плохие каноэ?

— Заткнись и греби, — сказал Альвин.

— Мы плывем по течению, и грести мне не обязательно. Притом все, что у меня есть — это палка, которая ничуть не похожа на весло.

— Тогда используй ее, чтобы не врезаться в

берег, а это непременно случится, если ты будешь болтать.

Артур Стюарт отвел каноэ от берега, и так они доплыли до ручья покрупнее, а там и до реки. Все это время Артур думал о том, что сказал ему Альвин и о том, чему тот пытался его научить — и, как всегда, ничего не мог понять. Но ему невольно казалось, что он все-таки чему-то научился, хотя и не понимает пока, чему.

Люди всегда селятся на берегах рек, и если ты плывешь по течению, то рано или поздно увидишь какой-нибудь городок — это и произошло с нашими путниками однажды утром, когда туман еще висел над рекой, а глаза не хотели открываться. Городок был так себе, но и река тоже была не из важных, да и лодка оставляла желать лучшего. Они причалили, вытащили каноэ на берег, Альвин вскинул мешок с лемехом на плечо, и они зашагали в город, жители которого как раз пробуждались для дневных трудов.

Им хотелось найти постоялый двор, но городок был слишком мал и слишком нов для этого. Дюжина домиков и дорога, которой так мало пользовались, что трава росла от одной парадной двери до другой. Но это не означало, что здесь нельзя надеяться на завтрак. Если рассвело,

кто-то наверняка уже встал и принялся за дела. Проходя мимо одного дома с хлевом позади, они услышали журчание — это доили корову в жестяное ведро. В другом доме женщина выходила из курятника с только что собранными яйцами, и это выглядело многообещающе.

— Не найдется ли чего-нибудь для прохожих людей? — спросил Альвин.

Женщина смерила их взглядом и молча ушла в дом.

— Не будь ты таким страшным, она пригласила бы нас войти, — сказал Артур Стюарт.

— Зато ты у нас ангел.

Тут они услышали, как открывается парадная дверь.

— Может, она просто хотела поскорее сварить нам яиц, — сказал Артур Стюарт.

Но вместо женщины из дому вышел мужчина, который явно не успел одеться как следует. Штаны у него, во всяком случае, падали, и путники уж верно поспорили бы, как скоро они упадут на крыльцо, если бы он не целил в них из весьма внушительного ружья.

— Проваливайте, — сказал мужчина.

— Уже идем. — Альвин закинул котомку за спину и зашагал мимо крыльца. Дуло ружья

следовало за ними. Как только они поравнялись с хозяином дома, штаны, само собой, упали. Хозяин, злой и сконфуженный, опустил ружье, и дробь градом посыпалась на крыльцо. Мужчина растерялся.

— Надо быть внимательней, когда заряжаешь такое большествольное ружье, сказал Альвин. — Я всегда в таких случаях кладу бумажный пыж.

— Я положил, — сердито бросил хозяин.

— Я знаю, — сказал Альвин. Дробь на крыльце противоречила его словам, но Альвин говорил чистую правду. Пыж так и остался в стволе, но Альвин велел бумаге прорваться, и дробь высыпалась.

— У вас штаны упали, — сказал Артур Стюарт.

— Проваливайте, — побагровел хозяин. Его жена наблюдала за происходящим с порога.

— Мы уже уходим — но, раз уж в ближайшее время вы нас наверняка не убьете, могу я задать вам пару вопросов?

— Нет. — Хозяин поставил ружье и подтянул штаны.

— Для начала я хотел бы узнать, как называется этот город. Мне думается, его именуют Радушным или Приветным.

— Нет, не так.

— Значит, не угадал. Отгадывать дальше или вы откроете мне эту тайну?

— Может, "Спущенные Штаны"? — предположил Артур Стюарт.

— Это Вествилль в Кенитуке, — сказал мужчина. — А теперь проваливайте.

— Теперь второй вопрос: раз уж вы так бедны, что вам нечем поделиться с путником, нет ли тут кого побогаче, который уделил бы нам немного еды в обмен на серебро?

— Тут вам никто ничего не продаст.

— Теперь я понимаю, почему ваша улица заросла травой. Зато ваше кладбище, должно быть, переполнено путешественниками, которые умерли от голода, так и не получив завтрака.

Хозяин не ответил — он стоял на коленях и собирал дробь, зато хозяйка высунула голову в дверь и доказала, что все-таки умеет говорить.

— Мы соблюдаем гостеприимство не хуже других, вот только взломщиков да вороватых подмастерьев не принимаем. Артур Стюарт тихо присвистнул.

— Спорим, что здесь прошел Дэви Крокетт.

— Я в жизни ничего не украл, — сказал Альвин.

— А в котомке у тебя что? — спросила жен-

щина.

— Хотел бы я, чтобы там лежала голова человека, который наставлял на меня ружье в прошлый раз — но, к несчастью, я оставил эту голову на шее, и теперь она клевещет на меня.

— Стыдно небось показать золотой лемех, который ты украл?

— Я кузнец, мэм, и в мешке у меня инструмент. Можете посмотреть, если хотите. — Альвин обратился к другим горожанам, которые тем временем собрались на улице, кое-кто при оружии. — Не знаю, что вам обо мне наговорили, но подходите и смотрите все. — Он раскрыл мешок, и все увидели молоток, клещи, меха и гвозди. Никакого лемеха не было.

Горожане смотрели во все глаза, точно опись составляли.

— Может, ты и не тот, о ком нам говорили, — сказала женщина.

— Нет, мэм, тот самый, если вам говорил обо мне некий траппер в енотовой шапке по имени Дэви Крокетт.

— Значит, ты признаешь, что и есть тот самый подмастерье, который украл лемех? И вор-домушник при этом?

— Нет, мэм, я признаю только, что встретился

с траппером, способным оболгать человека за глаза. — Альвин завязал свой мешок. — А теперь, если хотите меня прогнать — гоните, но не думайте, что прогоняете вора, потому что это не так. Вы угрожали мне ружьем и не дали поесть ни мне, ни этому голодному мальчику — без суда и следствия, на основе одних только слов человека, который здесь такой же чужой, как и я.

Эта обвинительная речь застала горожан врасплох, но одна старушка нашлась сразу:

— Ну, Дэви-то мы знаем. А вот тебя видим впервые.

— И больше не увидите, уверяю вас. Теперь везде, где ни придется побывать, я буду рассказывать о городе Вествилле, где человеку отказывают в еде и считают его виновным без суда.

— Если это не правда, откуда ты тогда знаешь, что это Дэви Крокетт говорил нам о тебе? — спросила старушка. Прочие закивали и загудели, как будто этот вопрос был решающим.

— Потому что Дэви Крокетт высказал свое обвинение мне в лицо, и только ему одному пришло в голову, что мы с мальчиком — воры. Я скажу вам то же самое, что сказал ему.

Если мы воры, почему мы тогда не промышляем в большом городе, где много богатых домов? Да

в таком нищем городишке, как у вас, взломщик с голоду помрет.

— Мы не нищие, — сказал мужчина на крыльце.

— У вас даже еды лишней нет. И двери в домах не запираются.

— Вот видите! — вскричала старушка. — Он уже попробовал наши двери, чтобы прикинуть, легко ли их будет взломать!

— Есть люди, которые видят грех в ласточках и злой умысел в ивах, покачал головой Альвин. Он взял Артура Стюарта за плечо и повернул в ту сторону, откуда они пришли.

— Постой, незнакомец! — крикнул кто-то сзади. Они обернулись и увидели всадника, который медленно ехал по дороге. Горожане расступались перед ним.

— Ну-ка, Артур — кто это такой? — шепнул Альвин.

— Мельник, — ответил Артур.

— Доброе утро, мистер мельник! — крикнул тогда Альвин.

— Откуда ты знаешь, кто я?

— Это мальчик отгадал.

Мельник подъехал поближе, глядя на Артура Стюарта.

— Но как он сумел отгадать?

— Говорите вы важно, ездите верхом, и люди перед вами расступаются, сказал Артур. — В таком маленьком городишке это означает, что вы мельник.

— А если бы город был побольше?

— Тогда вы были бы стряпчим или политиком.

— Умный мальчишка, — заметил мельник.

— Да нет, просто у него язык длинный, — сказал Альвин. — Я уж и бил его, да все без толку. Его можно заткнуть, только набив ему рот чем-нибудь, предпочтительно оладьями, но сойдут и яйца — всмятку, вкрутую или поджаренные.

— Пошли ко мне, засмеялся мельник. — Дом в той стороне, где река — ярдах в пятнадцати за выгоном.

— Между прочим, мой отец тоже мельник, — сказал Альвин.

— Почему же тогда ты не занялся его ремеслом?

— Я далеко не первый из восьми сыновей. Мы не могли все сделаться мельниками, вот я и пошел в кузнецы. Но я и с мельничным снаряжением обращаться умею, если вы дадите мне случай отработать свой завтрак.

— Поглядим, на что ты способен, — сказал мель-

ник. — А на этих людишек ты не смотри. Если какой-нибудь прохожий скажет им, что солнце сделано из масла, они попытаются намазать его себе на хлеб. — Горожане не оценили его шутки, но мельника это не смутило. — У меня кузня есть, так что, если не возражаешь, сможешь подковывать лошадей.

Альвин кивнул в знак согласия.

— Тогда ступайте ко мне домой и ждите меня. Я тут долго не задержусь — вот только белье заберу из стирки. — Он посмотрел на жену мужчины с дробовиком, и она тут же скрылась в доме, чтобы принести белье.

Отойдя подальше от горожан, Альвин стал смеяться.

— Чего ты? — спросил Артур.

— Да вспомнил этого малого — как он стоит со спущенными штанами, и дробь сыплется у него из ружья.

— Не нравится мне этот мельник, — сказал Артур Стюарт.

— Он хочет покормить нас завтраком — значит, не так уж плох.

— Он просто выставляется перед горожанами.

— Ты извини, но я не думаю, чтобы это повлияло на вкус оладий.

— Мне его голос не нравится, — сказал Артур. Это заставило Альвина насторожиться. Артур имел талант по части голосов.

— С ним что-то неладно?

— Он способен на подлость.

— Очень может быть. Но лучше уж потерпеть немного подлеца, чем кормиться орехами да ягодами или высматривать белку на дереве.

— Или рыбу ловить, — скорчил гримасу Артур.

— Мельники всегда слывут негодяями. Людям надо где-то молоть свое зерно, но они всегда думают, что мельник запрашивает слишком много. Мельники уже привыкли к тому, что на них смотрят косо — может, это самое ты и услышал в его голосе.

— Может быть. — И Артур сменил разговор:

— А как ты сумел спрятать лемех, когда открыл котомку?

— Я проделал дыру в земле под котомкой, и лемех ушел туда.

— Ты и меня научишь делать такие штуки?

— Постараюсь, если будешь прилежным учеником.

— А как ты заставил дробь высыпаться из ружья?

— Я прорвал бумагу, но дуло опустил он сам,

когда потерял штаны.

— А штаны не по твоей вине упали?

— Если бы он надел подтяжки, его штаны остались бы на месте.

— Но ведь это все разрушительные дела? Высыпать дробь, уронить штаны, заставить людей устыдиться того, что не приняли тебя.

— Было бы лучше, если бы они прогнали нас прочь без завтрака?

— Мне и раньше случалось обходиться без завтрака.

— Ну, на тебя не угодишь. С чего это ты вдруг начал придираться ко мне?

— Ты заставил меня построить каноэ собственными руками, чтобы научить меня Созиданию. Вот я и хочу посмотреть, как будешь созидать ты — а ты только и знаешь, что разрушать.

Альвин принял это близко к сердцу. Он не разозлился, но впал в задумчивость и не говорил почти ничего до самой мельницы.

* * *

Через неделю Альвин уже работал на мельнице — впервые с тех пор, как покинул отчий дом в Оплоте Церкви и стал кузнечным подмастерьем в Хатрак-Ривер. Он испытал удовольствие, увидев

снова жернова и хитрое переплетение передач. Артур Стюарт заметил, что все части, к которым прикасался Альвин, начинали работать с меньшим трением, отчего сила вращения водяного колеса лучше передавалась на жернов. Тот тоже заработал быстрее и глаже, без толчков и перекосов. Рэк Миллер, как звали мельника, тоже заметил это, но он следил за Альвином не столь пристально и счел, что это делается с помощью инструментов и смазки.

— Жестянка с маслом и острый глаз творят чудеса, — сказал Рэк, и Альвин вынужден был согласиться.

Но прошло несколько дней, и счастье Альвина стало тускнеть, потому что он начал замечать то, что Артур Стюарт понял с самого начала: Рэк вполне оправдывал дурную славу, которая закрепилась за мельниками. Действовал он очень хитро. Принесет кто-нибудь смолоть мешок кукурузы, а Рэк швыряет зерно пригоршнями на жернов и после ссыпает из лотка в тот же мешок. Так поступают все мельники. Никто не дает себе труда взвешивать мешок до и после — ведь всем известно, что при помоле часть зерна теряется.

С Рэком дело обстояло немного по-иному, поскольку он держал гусей. Они хозяйничали

повсюду — на мельнице, во дворе, на пруду, а по ночам, как поговаривали, и в доме у Рэка. Рэк называл их своими детками, но так говорить было негоже, поскольку всего только пара несушек да пара гусаков оставались в живых после каждой зимы. Артур Стюарт заметил сразу, как эти гуси кормятся до Альвина же это дошло, лишь когда миновал первый порыв его любви к мельнице. Некоторые зерна, как ни старайся, падают на пол, об этом никто не спорит. Но Рэк всегда держал мешок не за верх, а за низ, так что зерна сыпались во все стороны, и гуси кидались на них, как.., как гуси на зерно. А на жернов он кидал кукурузу большими горстями, так что многие зерна попадали не на верхушку, а вбок и, понятное дело, летели в солому на полу, где гуси тут же их подбирали.

— Они теряют добрую четверть своего зерна, — сказал Альвин Артуру Стюарту.

— Ты что, считал зерна? Или взвешивал их в уме?

— Нет, на глаз прикинул. Уж никак не меньше десятой доли.

— Наверное, он полагает, что ворует не он, а гуси.

— Мельник может получать свою десятину, но

не вдвое или втрое больше, чтобы откармливать этим гусей.

— Я полагаю, бесполезно указывать тебе, что это не наше дело.

— Из нас двоих взрослый я, а не ты.

— Это ты так говоришь, но я, глядя на тебя, сомневаюсь. Я, к примеру сказать, не мотаюсь по белу свету, оставив беременную жену в Хатрак-Ривер. Меня не сажают в тюрьму и не грозят застрелить из ружья.

— Ты хочешь сказать, что я, видя вора, должен молчать?

— А ты думаешь, тебе кто-то скажет спасибо?

— Может, и скажет.

— За то, что мельник окажется в тюрьме? Где же они будут тогда молоть зерно?

— Ну, мельницу-то в тюрьму не посадят.

— Ага, так ты намерен остаться здесь? И управлять мельницей, пока не обучишь кого-то другого? Может, это буду я? Держу пари, они будут рады платить мельничную десятину вольному негру-подмастерью. О чем ты только думаешь?

Вот именно, о чем? Никто не знал по-настоящему, о чем думает Альвин. Говорил он большей частью правду и не стремился кого-то надуть — но он умел также держать язык за зубами,

вот никто и не знал, что у него в голове. Никто, кроме Артура Стюарта. Артур, конечно, был всего лишь мальчик, хотя последнее время рос как на дрожжах — особенно быстро увеличивались у него руки и ноги но один предмет он изучил досконально, и этим предметом был Альвин, странствующий кузнец, а попутно лозоходец, старатель, тайный изготовитель золотых лемехов и преобразователь вселенной. И Артур знал, что Альвин уже придумал, как положить конец воровству, никого не сажая в тюрьму.

И Альвин улучил свой час. Близилась жатва, а в это время люди стараются подчистить всю прошлогоднюю кукурузу, чтобы освободить место для новой. Поэтому многие горожане и окрестные фермеры стояли в очереди, чтобы смолоть свое зерно. А Рэк Миллер особенно щедро делился им с гусями. Но когда он вручил очередному помольщику мешок, более четверти которого осталось в гусином зобу, Альвин взял откормленную гуску и отдал ее клиенту вместе с зерном.

И Рэк, и помольщик смотрят на него, как на безумного, но Альвин, как бы ничего не замечая, говорит помольщику:

— Рэк Миллер сказал мне, что гуси слишком много едят — вот он и раздает их своим постоян-

ным клиентам. Зерно-то, которое они ели, было ваше. По-моему, Рэк поступает как честный человек, а по-вашему?

Что Рэк мог сказать после этого? Он только улыбался, стиснув зубы, да смотрел, как Альвин раздает его гусей одного за другим. А люди знай таращат глаза и благодарят — вот, мол, благодетель мельник, обеспечил их птицей к Рождеству, которое настанет через четыре месяца. До того, мол, времени гуси так разжиреют, что смотреть будет страшно.

Видя, как обстоит дело, Рэк — Артур Стюарт это заметил — сразу стал держать мешки за верхушку и бросать кукурузу помалу, так что редкое зернышко падало на пол. Он сделался прямо-таки образцовым мельником, и в мешке, который он возвращал хозяину, недоставало только положенной десятины. Ясно было, что Рэк Миллер не намерен откармливать гусей, которых зимой съест кто-то другой!

Когда день подошел к концу, все молодые гуси были розданы — остались только два гусака да пять несушек. Рэк посмотрел Альвину в глаза и сказал:

— Я не желаю, чтобы у меня работал *лжец*.

— Лжец? — повторил Альвин.

— А кто сказал этим дурням, будто это я раздаю гусей?

— Когда я сказал это впервые, это еще не было правдой, но когда ты ничем мне не возразил, это стало правдой — не так ли? — И Альвин усмехнулся, ни дать ни взять Дэви Крокетт при виде медведя.

— Нечего умничать. Ты преотлично знал, что ты делаешь.

— Конечно. Я осчастливил твоих клиентов впервые с тех пор, как ты появился здесь, а заодно сделал из тебя честного человека.

— Я и без того честный. Я брал только то, что мне положено по праву в этом забытом Богом месте.

— Прошу прощения, приятель, но Бог этого места не забывал, хотя кое-кто из живущих здесь, возможно, забыл Бога.

— С меня довольно, — заявил Рэк. — Можешь убираться на все четыре стороны.

— Но я еще не видел весов, на которых ты взвешиваешь повозки, — сказал Альвин. Рэк не спешил показать их ему — это громоздкое сооружение использовалось только во время жатвы, когда фермеры привозили все зерно, которое собирались продать. Повозка сначала

въезжала на весы полной, потом разгружалась и взвешивалась пустой — полученная разница и составляла вес зерна. Когда приезжали покупатели, они сначала взвешивали пустую повозку, потом груженую. Хитрой штуковиной были эти весы, и неудивительно, что Альвин хотел с ними ознакомиться.

Но Рэк придерживался иного мнения.

— Мои весы тебя не касаются, незнакомец, — сказал он.

— Я ел за твоим столом и спал под твоей кровлей — какой же я после этого незнакомец?

— Человек, который раздает моих гусей, для меня навсегда останется незнакомцем.

— Хорошо, я уйду. — И Альвин, продолжая улыбаться, сказал ученику:

— Пошли, Артур Стюарт.

— Ну нет, сэр, — сказал мельник. — За эти шесть дней я кормил вас тридцать шесть раз. И твой черномазый ел никак не меньше, чем ты. Вы должны мне отработать.

— Я работал на тебя все это время. Ты сам сказал, что у тебя все стало крутиться куда лучше.

— Ты не сделал ничего, что я не мог бы сделать сам при помощи жестянки с маслом.

— Но ты этого не сделал, а я сделал и этим опла-

тил наше содержание. Мальчик тоже работал — и подметал, и мешки носил.

— Мальчик должен отработать еще шесть дней. Скоро жатва, и мне нужны лишняя пара рук и крепкая спина. Он хороший работник и как раз подойдет.

— Тогда оставь на три дня нас обоих. Я не стану больше раздавать гусей.

— Было бы что раздавать — одни несушки остались. И никакой сын мельника мне тут не нужен — нужен только мальчик для черной работы.

— Мы заплатим тебе серебром.

— На что мне ваше серебро? Тут его все равно некуда тратить. Ближайший приличный город — это Картидж по ту сторону Хайо, и туда редко кто ездит.

— Я не позволю, чтобы Артур Стюарт оплачивал мои долги. Он не...

Артур Стюарт мигом смекнул, что скажет сейчас Альвин: он скажет, что Артур не его раб. И это будет самая большая глупость, на которую Альвин способен. Поэтому Артур выпалил, не дав Альвину договорить:

— Я с удовольствием отработаю этот долг. Только я не думаю, что это возможно. За шесть дней я съем еще восемнадцать порций и задолжаю

еще три дня, а за три дня я поем девять раз и буду должен полтора дня — так мне никогда не расплатиться.

— Верно, — сказал Альвин. — Парадокс Зенона.

— А ты еще говорил, что от этой "философической нудьги" нет никакой практической пользы, — сказал Артур Стюарт. Это был их давний спор, когда они оба учились у мисс Ларнер, пока она не стала миссис Альвин Смит.

— О чем вы, ребята, толкуете, ради всего святого? — спросил Рэк Миллер.

Альвин попытался объяснить:

— Каждый день, который Артур Стюарт на тебя работает, к его долгу прибавляется еще половина. Поэтому он всегда находится на полпути к расплате. Половина, половина и половина, а до конца добраться нельзя.

— Ничего не понимаю, — сказал Рэк. — В чем тут загвоздка-то?

Но тут в голову Артуру пришла еще одна мысль. Как ни злился Рэк Миллер из-за гусей, он все-таки оставил бы Альвина, если бы вправду нуждался в помощи во время жатвы — стало быть, у мельника есть какая-то причина Альвина отсюда убрать. Есть что-то, чего мельник не хочет показывать Альвину. Рэк не предусмотрел одного: что

черный мальчишка тоже вполне способен его раскусить. И Артур сказал Альвину:

— Я хочу остаться и посмотреть, как разрешится этот парадокс.

Альвин посмотрел на него очень пристально.

— Артур, я хочу найти человека, который водится с медведями.

Это немного поколебало решимость Артура Стюарта. Если Альвин найдет Дэви Крокетта, там будут события, которые Артур тоже хотел бы видеть. С другой стороны, мельница тоже таит какую-то тайну, и когда Альвин уйдет, Артуру представится случай разрешить ее самостоятельно. Одно искушение пересиливало другое.

— Счастливого пути, — сказал наконец Артур Стюарт. — Я буду скучать по тебе.

— Я не оставлю тебя здесь на милость человека, который питает к гусям любовь особого рода.

— А этим ты что хочешь сказать? — Рэк все больше проникался уверенностью, что эти двое над ним насмехаются.

— Ты называешь их своими детками, а сам съедаешь. Кто же пойдет за тебя замуж? Жена просто побоится оставить тебя одного с детьми.

— Убирайся с моей мельницы! — взревел Рэк.

— Пошли, Артур Стюарт.

— Нет, я хочу остаться. Оставил же ты меня как-то у того школьного учителя — хуже уже ничего быть не может. (Это уже другая история, и здесь мы ее рассказывать не станем.) Альвин посмотрел на Артура Стюарта очень внимательно. Не будучи Светочем, в отличие от своей жены Альвин не мог заглянуть в душевный огонь Артура и увидеть, что там таится. Но что-то все-таки побудило его согласиться с решением Артура.

— Хорошо, я уйду, но через шесть дней вернусь и рассчитаюсь с тобой, мельник. Не смей поднимать на мальчика ни руку, ни палку, корми его и обращайся с ним хорошо.

— За кого ты меня принимаешь? — спросил Рэк.

— За человека, который получает то, что хочет.

— Хорошо, что ты это понял.

— Это все понимают. Беда в том, что ты не всегда правильно выбираешь то, что тебе следует хотеть. — Тут Альвин усмехнулся, приподнял шляпу и ушел.

Рэк заставлял Артура Стюарта работать день-деньской, чтобы подготовиться к жатве. Из-за дождей она задержалась, и на мельнице это время использовали с толком. Зато ел Артур досыта

и спал вволю, хотя ночевал теперь не в доме, а на чердаке мельницы. В дом он допускался только как личный слуга Альвина, но Альвин ушел, и черному больше там спать не полагалось.

Артур заметил, что окрестные жители стали охотно бывать на мельнице, особенно в дождь, когда нельзя было работать в поле. Рассказ о гусях разошелся по всей округе, и люди поверили, что это придумал Рэк, а не Альвин. Поэтому Рэк, привыкший к холодной вежливости со стороны своих соседей, стал слышать дружеские приветы; с ним шутили и обменивались сплетнями. Для Рэка такое было внове, и Артур видел, что такая перемена мельнику по душе.

За день до того, как Альвин должен был вернуться, началась жатва, и фермеры, жившие за много миль окрест, стали свозить на мельницу свою кукурузу. Каждое утро они выстраивались в очередь, и первый загонял свою телегу на весы. Фермер выпрягал лошадей, и Рэк взвешивал повозку. Потом лошадей опять запрягали, повозка съезжала вниз, ожидающие фермеры помогали ее разгрузить это делалось охотно, потому что ускоряло движение очереди — после чего повозка въезжала обратно и взвешивалась уже пустой. Рэк записывал разницу между двумя цифрами

— это и был вес кукурузы.

Артур Стюарт проверял результаты в уме — с арифметикой Рэк не плутовал. Артур следил, не становится ли Рэк на весы, когда взвешивается пустая повозка — но ничего такого не происходило.

Потом, уже ночью, Артур вспомнил, как ворчали фермеры, вкатывая пустую телегу обратно на весы; "Почему бы не поставить весы прямо на разгрузочной площадке, тогда бы не пришлось катать телегу туда-сюда". Артур Стюарт не понимал еще, в чем тут дело, но ему вспомнилось также, как один фермер попросил взвесить свою полную повозку, пока разгружалась предыдущая. Рэк набросился на него: "Если хочешь все делать по-своему, построй себе собственную мельницу".

Вот она в чем хитрость: Рэку нужно, чтобы каждая повозка взвешивалась два раза подряд. Такой же порядок соблюдается и в обратном случае, когда скупщики приезжают с пустыми повозками, чтобы везти зерно в большие восточные города. Телега взвешивается пустой, загружается и взвешивается снова.

Когда Альвин вернется, Артур Стюарт будет уже недалек от разгадки.

* * *

Между тем Альвин углубился в лес, разыскивая Дэви Крокетта, человека, благодаря которому ему пришлось стоять под дулом ружья два раза подряд. Но Альвином двигала не месть, а желание спасти.

Альвин знал, что он сделал с Дэви и с медведем, и шел на огонь их душ. Он не умел читать эти огни так, как это делала Маргарет, но различать их мог. Альвин знал также и то, что ни одно ружье не застрелит его и ни одна тюрьма не удержит, поэтому он намеренно явился в город Вествилль, где Дэви Крокетт только что побывал — а медведь шел за ним, хотя Дэви в ту пору еще этого не ведал.

Но теперь-то Дэви понял. Тогда, перед уходом с мельницы, Альвин увидел, что Дэви и медведь встретились снова, и на этот раз встреча обещала пойти несколько по-иному. Ведь Альвин проник в обоих глубоко и самое большое дарование медведя передал Дэви, а самое большое дарование Дэви — медведю. Теперь они оба сравнялись, и Альвин знал, что отвечает за то, чтобы никто из них не пострадал. Ведь это Альвин был отчасти виноват в том, что у Дэви не стало ружья для

защиты. Дэви, конечно, был виноват больше, но Альвину не обязательно было портить ружье, взорвав его ствол.

Альвин пробежался по лесу, перескочил через пару ручьев, задержался на земляничной полянке и пришел на место задолго до сумерек, так что имел время осмотреться. Медведь и Дэви, как он и ожидал, находились на поляне. Их разделяло не более пяти футов, и они скалились друг на дружку, не двигаясь с места. Медведь весь ощетинился, но не мог одолеть Дэви; и Дэви не мог одолеть медведя, но держался стойко, хотя уже отсидел себе зад и обезумел от недосыпания.

Как только солнце село, Альвин вышел на поляну позади медведя и спросил.

— Ну что, Дэви, нашла коса на камень? Дэви не мог отвлечься, чтобы вымолвить хоть слово, и продолжал ухмыляться.

— Этот медведь, по всему видно, тебе на шубу не пойдет. Дэви ухмылялся.

— Я думаю так: кто из вас первый уснет, тот и проиграет. А медведи за зиму так высыпаются, что летом сон вроде как им не к чему.

Ухмылка.

— Зато у тебя глаза слипаются — а рядом сидит медведь с улыбкой, полной любви и преданности.

В ухмылке появляется оттенок отчаяния.

— Вот ведь какая штука, Дэви. Медведи в большинстве своем лучше людей. Встречаются, конечно, и плохие медведи, и хорошие люди, но если брать в среднем, медведь чаще, чем человек, поступает так, как считает правильным. Остается догадаться, что сочтет правильным этот медведь, когда тебя переборет.

Ухмылка — вот и весь ответ.

— Медведям человечья шкура ни к чему. Им, правда, нужно накопить жир на зиму, но мясо они для этого, как правило, не едят. Они едят рыбу, но ты-то не рыба, и медведь это знает. Кроме того, этот медведь не смотрит на тебя, как на мясо, иначе он бы тебе бы не ухмылялся. Он смотрит на тебя, как на соперника, как на равного. Как же он поступит? Разве тебе не интересно? Разве не хотелось бы получить ответ на этот вопрос — ну хотя бы из любопытства?

Стало смеркаться, и у Дэви с медведем было мало что видно, кроме белых зубов да глаз.

— Одну ночь ты уже продержался. Хватит тебя на другую или нет? Я думаю, что нет. Я думаю, что скоро тебе придется изведать степень медвежьего милосердия.

Только тогда Дэви, одолеваемый сном, осме-

лился заговорить:

— Помоги мне.

— Каким же это образом?

— Убей этого медведя.

Альвин обошел медведя и положил руку ему на плечо.

— Зачем? Он-то на меня ружье не наставлял.

— Тогда мне конец, — прошептал Дэви. Ухмылка пропала с его лица, он склонил голову, повалился ничком и свернулся на земле, ожидая смерти, Но ничего такого не случилось. Медведь обошел его, обнюхал и повалял туда-сюда, не обращая внимания на жалобные звуки, издаваемые Дэви. Потом лег рядом, обхватил Дэви лапой и задремал.

Дэви, не веря своему счастью, лежал тихо, испуганный, но вновь преисполненный надежды. Если бы продержаться и не уснуть еще чуток!

Но то ли медведь летом и правда спал одним глазом, то ли Дэви закопошился слишком рано — словом, как только человек потянулся к ножу у пояса, медведь тут же, как бы шутя, шлепнул его по руке.

— Пора спать, — сказал Альвин. — Ты заслужил отдых, медведь тоже, а утром тебе все покажется намного лучше.

— Но что со мной будет?

— Тебе не кажется, что это зависит от медведя?

— Ты им как-то управляешь. Это все твоя работа.

— Он сам собой управляет. — Второго обвинения Альвин опровергать не стал, зная, насколько оно правдиво. — И тобой тоже. Вы для того и ухмылялись так долго, чтобы решить, кто чей хозяин. Теперь твой хозяин — медведь, и утром мы, полагаю, узнаем, как обращаются медведи с прирученными людьми.

Дэви забормотал молитву, а медведь тяжелой лапой зажал ему рот.

— Богу помолились, легли и укрылись, — пропел Альвин. — Баюшки-баю, спи-засыпай.

* * *

Вот так Альвин и вернулся в Вествилль сразу с двумя друзьями — Дэви Крокеттом и большим, старым медведем-гризли. Люди, конечно, всполошились, увидев медведя в городе, и схватились за ружья. Но медведь улыбался им, и они не стали стрелять. Потом медведь вытолкнул вперед Дэви, и тот сказал:

— Мой друг не очень хорошо владеет американским языком, но он не хотел бы, чтобы в него

целились из ружья. Он также не отказался бы от миски кукурузной каши или от кукурузных лепешек, если у вас найдется.

Так медведь и кормился всю дорогу через Вествилль. Для этого ему и лапой шевельнуть не пришлось, разве чтобы подталкивать Дэви, а люди даже не спорили, такое это было диво — человек, подающий медведю кашу и лепешки. И это еще не все. Дэви прилежно выбирал колючки из шерсти медведя, особенно из задней части, а когда медведь начинал поскуливать, Дэви ему пел. Дэви пропел все песни, которые слышал хотя бы по разу. Ничто так не освежает память, как тычки, которыми награждает тебя одиннадцатифутовый гризли — а когда Дэви совсем уж ничего не мог припомнить, он придумывал, и медведь, не будучи особенно разборчивым, оставался довольным.

Альвин же то и дело прерывал пение и спрашивал Дэви, правда ли, что он, Альвин, взломщик и похититель золотого лемеха. А Дэви отвечал — нет, не правда, он, Дэви, это выдумал, потому что был зол на Альвина и хотел с ним посчитаться. И каждый раз, когда Дэви говорил эти правдивые слова, медведь одобрительно ворчал и гладил его лапой по спине — а у Дэви едва хватало отваги

терпеть эти нежности, не обмочившись.

Только проследовав через весь город и обойдя близлежащие дома, процессия двинулась к мельнице, где порядком напугала лошадей. Но Альвин поговорил с животными и успокоил их, а медведь, набивший брюхо кукурузой в разных ее видах, свернулся и уснул. Однако Дэви не отходил далеко, потому что медведь даже во сне чуял, здесь Дэви или нет.

Но Дэви, будучи человеком гордым, держался как ни в чем не бывало.

— Чего не сделаешь ради друга, а этот медведь — мой друг, — говорил он. Я больше не ставлю капканы, как вы можете догадаться, и ищу такую работу, которая помогла бы моему приятелю подготовиться к зиме. То есть мне надо заработать побольше кукурузы, и я надеюсь, что у вас найдется какое-нибудь дело для меня. А за свою скотину можете не опасаться, ручаюсь.

Люди, понятное, дело, слушали — как не послушать человека, который умудрился попасть в услужение к медведю-гризли, но ни у кого и в мыслях не было пустить медведя к своим свинарникам и курятникам, тем более что он не выказывал никакого намерения честно заработать свой хлеб. Они полагали, что он станет

попрошайничать, а там и воровать — кому это нужно?

Альвин и Артур тем временем, пока медведь спал, а Дэви толковал с фермерами, совещались между собой, и Артур делился своими открытиями.

— Что-то в весах работает так, чтобы недовешивать, когда повозка полная, и показывать больше, когда она пустая — так фермеров и обжуливают. А потом Рэк, ничего не меняя, делает так, что пустые повозки скупщиков кажутся легче, чем есть, а полные — тяжелее, чем есть, и наживается на продаже будь здоров.

Альвин кивнул.

— Ты уже проверил правильность своей теории?

— Он не следит за мной, только когда темно, а в темноте я ничего не вижу. Да и опасно это — шмыгать ночью около весов, еще поймает.

— Отрадно видеть, что мозги у тебя работают.

— И это говорит человек, который то и дело попадает в тюрьму.

Альвин скорчил ему гримасу, а сам направил свое старательское чутье в механизм весов под землей. И, ясное дело, там оказался храповик, который при первом взвешивании перемещал

рычажок, делая вес меньше, чем на самом деле, а при втором отцеплялся, и рычаг становился на место, показывая большой вес. Неудивительно, что Рэк не хотел допускать Альвина к весам.

Альвин пришел к достаточно простому решению. Он велел Артуру Стюарту держаться поближе к весам, но на них не становиться. Рэк записал вес пустой повозки, а когда она съехала с весов, стал подсчитывать разницу. Как только повозка оказалась внизу, Альвин во всеуслышание накинулся на Артура Стюарта:

— Ты что, дурак, делаешь? Зачем ты залез на весы?

— Не делал я этого! — закричал Артур.

— Да, вроде бы не делал, — говорит один из фермеров. — Я опасался этого, потому что он стоял очень близко, и глаз с него не спускал.

— А я говорю — он на них встал, — говорит Альвин. — И теперь хозяин потеряет столько же, сколько весит этот мальчишка!

— Да не становился он туда, — говорит Рэк, оторвавшись от своих вычислений.

— Ну что ж, проверить это очень просто, — говорит Альвин. — Давайте загоним телегу обратно на весы. Тут Рэк забеспокоился и говорит фермеру:

— Послушай, давай я просто учту вес мальчиш-

ки при подсчете.

— А достаточно ли чувствительны эти весы, чтобы показать его точный вес? спрашивает Альвин.

— Не знаю. Можно и на глаз прикинуть.

— Ну уж нет! — кричит Альвин. — Этому фермеру чужого не надо, но и обвешивать его не годится. Ставьте повозку обратно, и взвесим заново.

Рэк хотел было возразить, но тут Альвин сказал:

— Если, конечно, эти весы работают как надо. Они ведь правильно показывают, да?

Рэк перекосился, но что он мог сказать на это?

— Конечно, правильно, — буркнул он.

— Тогда взвесим повозку сначала без парня, потом вместе с ним.

Ну и сами понимаете: повозка, въехав обратно на весы, оказалась чуть ли не на сотню фунтов легче, чем была в первый раз. Свидетели оторопели.

— Я мог бы поклясться, что мальчишка не вставал на весы, — говорит один.

— А я бы в жизни не поверил, что он весит сто фунтов, — говорит другой.

— У него кости тяжелые, — пояснил Альвин.

— Нет, сэр, — не кости, а мозги, — поправил Артур, вызвав общий смех. А Рэк, пытаясь сохранить хорошую мину при плохой игре, вставил:

— Это тянет еда, которую он слопал за моим столом, — ее там не меньше пятнадцати фунтов.

И вес зерна, которое привез фермер, увеличился на сто фунтов.

Следующей взвешивалась полная повозка, а весы были настроены показать большой вес. Напрасно Рэк пытался прикрыть лавочку пораньше — Альвин предложил поработать за него, а фермеры, мол, проследят, чтобы записи велись правильно.

— Зачем людям ждать лишний день, чтобы продать свое зерно? — сказал Альвин. — Отпустим их всех!

И до конца дня они взвесили еще тридцать повозок, а фермеры не переставали дивиться, какой в этом году хороший урожай — куда больше, чем в прошлом. Один, правда, стал ворчать, что на этот раз его повозка весит куда меньше, чем бывало; но Артур тут же внес ясность:

— Это не важно, сколько она весит, — важна разница между полной повозкой и пустой, а поскольку весы те же самые, то итог верен.

Фермеры поразмыслили и сочли это правиль-

ным, хотя Рэк не мог толком объяснить, почему так получается.

Артур Стюарт прикинул в уме и понял, что Альвин не совсем восстановил справедливость. Теперь убытки терпел Рэк — получающаяся разница была отнюдь не в его пользу. И Альвину, и Артуру было ясно, что к завтрашнему дню Рэк попытается настроить весы по-старому — недовес для полных повозок, перевес для пустых.

Однако оба весело распрощались с Рэком, делая вид, что не видят, как ему не терпится избавиться от них.

Ночью фонарь Рэка Миллера двинулся, качаясь, через двор между домом и мельницей. Рэк закрыл дверь мельницы за собой и направился к люку, ведущему в механизм весов. Но на люке, к его удивлению, лежало что-то, и это был медведь. А с ним в обнимку лежал Дэви Крокетт.

— Надеюсь, вы не будете возражать, — говорит Дэви, — но медведю взбрендило в голову лечь именно тут, а я с ним спорить не намерен.

— Так вот, ему здесь спать нельзя.

— Ну так скажите ему об этом сами. Меня он не слушает. Мельник и говорил, и кричал, но медведь и ухом не повел. Тогда Рэк взял длинную палку и стал тыкать ею в медведя, но тот только

открыл один глаз, вырвал палку у Рэка и перекусил ее, точно сухарик. Рэк посулил принести ружье, но тут Дэви достал нож.

— Тебе придется и меня убить вместе с медведем — если ты его тронешь, я тебя зарежу, как рождественского гуся.

— Буду рад доставить тебе это одолжение, — говорит Рэк.

— Тогда тебе придется объяснить, отчего я умер — если ты, конечно, убьешь медведя с одного выстрела. Есть такие медведи — получат с полдюжины пуль, а потом отрывают охотнику голову и преспокойно идут на рыбалку. У них полно жира и мускулов тоже. Как ты, кстати, стреляешь — метко?

Поэтому на следующее утро весы продолжали показывать величины, противоположные чаяниям Рэка, и так продолжалось до конца жатвы. Каждый день медведь и его прислужник ели свою кукурузную кашу, заедали кукурузным хлебом, запивали кукурузной самогонкой и валялись в тенечке, а народ сходился посмотреть на такое диво. В итоге посторонние сшивались на мельнице целый день, да и ночью далеко не отходили. Так происходило и тогда, когда начали съезжаться скупщики за кукурузой.

История о медведе, который приручил человека, привлекла не только праздных зевак. Все больше фермеров приезжало к Рэку продать урожай только для того, чтобы посмотреть на эту пару, да и скупщиков съехалось больше, чем обычно, так что дела шли раза в полтора бойчее против прежнего. В конце сезона жатвы счетная книга Рэка показала огромные убытки. Он получил от скупщиков недостаточно, чтобы расплатиться с фермерами, и разорился вчистую.

Он стал глушить самогон кувшинами и совершать дальние прогулки, а к концу октября совсем отчаялся. Это заставило его приставить пистолет к виску и нажать на курок, но порох по какой-то причине не воспламенился. Рэк попытался повеситься, но узел все время скользил. Не сумев даже убить себя, он оставил свои попытки и как-то ночью ушел, бросив мельницу вместе со счетной книгой. Собственно говоря, он хотел мельницу поджечь, но огонь никак не хотел разгораться — пришлось ему оставить и эту затею. В конце концов он ушел, в чем был, взяв под мышки двух гусей, но они так гоготали, что он бросил их еще в пределах города.

Когда стало ясно, что Рэк ушел не просто погулять, горожане и самые видные окрестные

фермеры собрались на мельнице и просмотрели счетную книгу. Итоги ревизии дали им понять, что Рэк Миллер вряд ли вернется. Фермеры разделили убытки поровну, и выяснилось, что никто ничего не потерял. Всем, конечно, досталось меньше, чем значилось у Рэка в книге, но гораздо больше, чем в предыдущие годы, так что в накладе они не остались. А когда начали осматривать хозяйство, то в весах обнаружили храповик, и дело прояснилось окончательно.

Все сошлись на том, что счастливо избавились от Рэка Миллера, а некоторые подозревали, что к разоблачению мельника приложил руку Альвин Смит со своим черным мальчишкой. Пытались даже отыскать Альвина, чтобы отдать ему мельницу в награду. Кто-то слышал, что родом он из Оплота Церкви в Уоббише. Послали туда письмо и получили ответ от отца Альвина. "Мой сын так и думал, что вы ему это предложите, и поручил мне предложить вам нечто лучшее. Он говорит, что если тот человек оказался таким плохим мельником, то, может, медведь подойдет лучше — особенно если у него в услужении имеется человек, способный вести книги".

Сначала люди посмеялись над этим предложением, но потом оно пришлось им по сердцу,

а Дэви с медведем не стали возражать. Медведь получал кукурузы, сколько хотел, притом без всяких забот — разве что представлял перед народом во время жатвы — а зимой спал в тепле и сухости. Когда он вступал в брак, на мельнице становилось малость тесновато, но медвежата всех забавляли, а медведицы, хотя и проявляли подозрительность, тоже вели себя терпимо. Уж с ними-то Дэви справлялся все так же легко и усмирял их своей ухмылкой в случае нужды.

Книги Дэви вел честно, а весы, освобожденные от храповика, показывали правильно. Со временем его так полюбили в Вествилле, что хотели избрать мэром. Но Дэви, конечно, отказался — ведь он был не хозяин сам себе. Он предложил вместо себя медведя, обязавшись служить ему секретарем и переводчиком. Так и было сделано. Через пару лет пребывания медведя в мэрах город переименовали в Баерсвилль. Медвежий Город, и в нем царило благоденствие. Когда Кенитук впоследствии вступил в Соединенные Штаты, нетрудно угадать, кто был избран в Конгресс от этого округа. Медведь семь сроков подряд клал лапу на Библию вместе со всеми конгрессменами и потом укладывался спать на всю сессию, а его секретарь, некий Дэви Крокетт, голосовал за него

и произносил речи, неизменно заканчивая их словами: "По крайней мере так думает об этом старый медведь-гризли".